

Развал проектно-изыскательских институтов. Часть 2. Анализ причин

В предыдущей части статьи была кратко рассмотрена история развития проектно-изыскательской отрасли в нашей стране. Там же были перечислены явные или неявные причины, по которым в новом веке у нас развалились почти все крупные проектно-изыскательские институты, оставшиеся с советских времен. Здесь основные причины будут проанализированы более подробно.

Васин Михаил Васильевич
Обозреватель

Из исторической справки, приведенной в [предыдущей части](#) статьи [7], в принципе, ясен комплекс причин ослабления, банкротства или развала большинства крупных проектных и проектно-изыскательских институтов в нашей стране за последние полтора десятка лет.

Но когда читаешь о ходе таких событий для какого-нибудь конкретного института (в изложении бывших или еще работающих сотрудников, смещенных или еще функционирующих генеральных директоров, конкурентов, государственных чиновников и т.д.), то узнаешь самые разные версии – иногда даже противоположные друг другу. Поэтому начинать первую или вторую части статьи с таких историй не захотелось. Показалось более разумным привести сначала какие-то обобщающие материалы. Но их-то как раз очень трудно найти, поскольку интернет пестрит лишь конкретными историями «униженных и оскорбленных».

Представляется интересным подробно расшифрованное мнение одного из участников форума «Обзор проектной отрасли и причины кризиса» (2016 г.) на сайте «Проектант» о том, что стагнация в проектно-исследовательской сфере (которая и привела к краху крупных проектно-исследовательских институтов) имеет несколько взаимно пересекающихся составляющих: экономическую, организационную, кадровую, нормативно-техническую, правовую и информационную [4]. Рассмотрим их подробнее, дополнив мнениями из других источников.

«Денег нет, но вы держитесь»

Основой ослабления проектно-исследовательской отрасли (и прежде всего ее крупных институтов) является **экономическая составляющая**. Здесь особенно важно соотношение необходимых затрат и достигаемой прибыли, которое определяет эффективность работы организации.

После распада СССР, который произошел в конце 1991 года, темпы и объемы капитального строительства и, соответственно, инженерных изысканий и проектирования для него значительно уменьшились. Если в 1980-е годы проектные и проектно-исследовательские институты имели государственное финансирование, а хозяйственных работ было очень мало (порядка 8–10% в госстроевских организациях), то в 1990-е годы они были приватизированы. При этом *регулярное финансирование прекратилось*, несмотря на то что формально собственником ООО, ОАО и АО, возникших на основе бывших бюджетных предприятий, пока еще оставалось государство [1].

На этом фоне, да еще в условиях экономического кризиса проектные и проектно-исследовательские институты стали особенно сильно зависеть от заказчиков, инвесторов и строителей. *Заказов стало остро не хватать*. Даже если они и были, то наблюдался перекося в сторону госбюджетного строительства в режиме жесткой экономии.

Таким образом, *спад в строительстве* плохо отразился на финансовом положении изыскателей и проектировщиков.

Свою отрицательную роль тут сыграла и *коррупционность государственных чиновников*, сделавших тендерные конкурсы «кормушками» для себя, своих родственников и друзей.

К тому же серьезными конкурентами для крупных российских институтов, оставшихся с советских времен, стали хорошо оснащенные иностранные компании, допущенные на российский рынок.

Но особенно сильно стала мешать *неравноправная конкуренция* с недобросовестными мелкими компаниями, выигрывавшими тендеры благодаря не только занижению ими цен в 2–3 раза, но и политике государства, пытавшейся поддержать малый и средний бизнес. Поэтому перед проектными и проектно-исследовательскими институтами все время вставал вопрос выбора: выполнять работы по заниженным ценам или отказываться от таких договоров? Но и то, и другое приводило к уменьшению зарплат, сокращению штатов, а в ряде случаев даже к банкротству и прекращению деятельности всей организации.

При этом, например, по мнению руководителя СРО «Союз строителей Урала» В. Суханова (2015 г., [6]) и руководителя отдела территориального развития курганского ООО «Архстройпроект» О. Ковалевой (2015 г., [6]), организации которых были «на плаву», проектирование существенно упрощают и ускоряют современные IT-технологии, поэтому большие проектные институты себя изжили, а будущее – за малыми компаниями. Для выполнения же конкретных больших заказов можно по необходимости создавать временные холдинги. Ведь тенденция к распаду крупных структур на более мелкие

наблюдалась сначала в Западной Европе, а только потом в России, причем во всех сферах, а не только в проектно-изыскательской. Возможно, это веление времени: чем меньше предприятие, тем оно гибче и легче перестраивается в зависимости от изменений ситуации.

Еще один отрицательный для крупных институтов экономический момент заключался в следующем. Чтобы выйти на рынок, проектное или проектно-изыскательское предприятие должно было стать членом *саморегулируемой организации (СРО)* и получить *свидетельство о допуске* к работам [1].

Как подчеркнули генеральный директор ОАО «Сибгипротранс» С. Приц (2010 г., [8]) и генеральный директор АО «ЦНИИПромзданий» В.В. Гранёв (2016 г., [1]), многим специалистам до сих пор непонятно, чем была плоха система лицензирования, которая отработывалась около 10 лет. Зачем вместо того, чтобы ее совершенствовать, надо было переходить к системе СРО? Ведь до введения саморегулирования требовалось только получить лицензию на 5 лет. А теперь необходимо *платить вступительные и ежегодные взносы в СРО* и проходить большое количество отвлекающих от работы проверок. Ведь можно было ужесточить требования к получению лицензий, к регистрации предприятий, к контролю качества их работы. Можно было ввести обязательное страхование рисков, навести порядок в кадровом подходе к лицензированию, использовать прогрессивную шкалу оплаты лицензий по видам деятельности и уровням ответственности и т.д.

Кроме того, В.В. Гранёв [1] привел пример отсутствия «лишних ходов» во многих развитых зарубежных странах, где специалист получает диплом, потом повышает квалификацию, сдает экзамены и получает сертификат или лицензию на право работать в соответствующей сфере. Все остальное – вопрос страхования. Со страховой организацией заключается договор, в котором оговорены все возможные спорные моменты при взаимодействии заказчика и проектировщика.

По мнению генерального директора теперь уже ликвидированного курганского ООО «ГПИ Мясомолпром» А.И. Иванова (2015 г., [6]), система СРО не работает в том качестве, в каком она задумывалась. Многие (к счастью, не все) из них превратились в паразитарные структуры для зарабатывания денег: набирают членов, взимают с них взносы, но, выдавая допуски на выполнение работ, не выполняют требования, установленные законодательством к проектно-изыскательским организациям. А ведь недобросовестные малые компании, приводящие к демпингу цен на рынке, умудрились не отсечься прежде всего благодаря таким преступным СРО, «торгующим» допусками. Поэтому с саморегулируемых организаций как минимум надо строже спрашивать за фирмы-однодневки.

Есть и еще один важный момент. *Отраслевые сметные нормативы*, необходимые для определения затрат, в конце XIX и в начале XXI века составлялись на основе их аналогов 1980-х годов. При переходе предприятий на хозрасчет и после этого предпринимались попытки скорректировать эти нормативы то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения. Затем были введены инфляционные коэффициенты, что совсем остановило совершенствование сметных норм. А ведь уже с 1990-х годов следовало начать их кардинально пересматривать и детализировать, а не обобщать на основе устаревших документов. В результате возникла путаница в определении стоимости проектно-изыскательских работ и разделов проектов.

Отраслевые сметные нормативы, не учитывавшие новые реалии, оказались «удавкой» для эффективности производства и честной конкуренции. Именно поэтому компании-однодневки с персоналом всего из нескольких человек и отсутствием технической базы

оказались в одинаковых экономических и правовых условиях с крупными проектными институтами, обладавшими необходимым потенциалом для серьезных работ. Но при проведении тендерных конкурсов безграмотные и безответственные заказчики при попустительстве или даже под давлением государственных чиновников слишком часто стали отдавать предпочтение недобросовестным малым фирмам.

Можно сказать и о том, что *импортозамещение* в нашей стране развивается довольно медленно. А на закупку необходимого современного оборудования и программного обеспечения, необходимых при изысканиях, проектировании и строительстве, требуются очень большие средства [1, 4].

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»

В ослаблении крупных проектных и проектно-изыскательских институтов очень большую роль сыграла и **организационная составляющая**. Наиболее сильно на нее повлияли экономические аспекты, перечисленные выше. При отсутствии регулярного финансирования и любой другой поддержки со стороны государства, при нехватке заказов и, соответственно, денег руководство таких махин, как эти институты, в большинстве случаев *не смогло перестроить организацию своей деятельности* и приспособиться к новым условиям (если это вообще было возможно) [5, 7].

При этом многие недобросовестные мелкие фирмы, временно нанимавшие подрядчиков со стороны, решали эти проблемы с помощью уменьшения оплаты труда наемных специалистов и путем снижения качества отчетов по изысканиям и качества разработанных на их основе проектов (при переносе ответственности на подрядчиков). Для таких малых компаний решение организационных вопросов сводилось в основном к поиску заказов и к заключению договоров с субподрядчиками (зачастую с сотрудниками тех же крупных институтов).

К организационной составляющей можно отнести и вопросы *разбивки объемов работ по разделам проекта, согласования этих разделов между собой и соблюдения очередности их выполнения* (что очень сложно сделать при сокращенных сроках выполнения работ).

Кроме того, в рассматриваемых тяжелых для проектно-изыскательской отрасли условиях очень часто *отсутствовала квалифицированная проверка результатов изысканий и разработанных на их основе проектов* [4].

«Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?»

Увы, не способствовала выходу проектно-изыскательской отрасли из кризисной ситуации и **кадровая составляющая** (впрочем, и здесь очевиден ответ на вопрос о том, «что появилось раньше – курица или яйцо»).

Прежде всего сыграли свою роль как неимение средств к существованию при отсутствии заказов, так и потогонная система при их (заказов) наличии из-за нехватки денег и времени. Это привело к *добровольному уходу или вынужденному сокращению значительной части квалифицированного персонала институтов*.

По мнению почетного строителя России из г. Кургана З. Романенко (2016 г., [4]), *сильное снижение уровня квалификации сотрудников* является главной проблемой проектно-изыскательских организаций в наше время. А ведь опытного и грамотного специалиста после окончания вуза можно подготовить только в профессиональной команде – в организации с хорошей школой и традициями. Но государство не бережет такие институты, поэтому их становится все меньше. И даже те выпускники вузов, которым удалось устроиться в «выжившие» НИИ, слишком часто уходят отсюда через 1–

2 года в поисках более высокой зарплаты, так и не став действительно ценными профессионалами.

Сюда можно отнести и *снижение уровня подготовки специалистов в высших учебных заведениях и на курсах повышения квалификации*. К тому же разделение выпускников вузов на бакалавров и магистров, по мнению представителей отрасли, является тупиковым путем для российской системы образования [1].

Отрицательный вклад здесь также вносит *«нерасположение» правительства* (сначала СССР, а потом РФ) к интеллигенции вообще и к изыскателям и проектировщикам в частности. Такое отношение и низкая заработная плата сделали их профессии не очень-то престижными. Конкурсы в соответствующие вузы и на рабочие места стали значительно ниже (если вообще остались) по сравнению с советскими временами.

А ведь специалистов из старшего поколения изыскателей и проектировщиков, прошедшего хорошую школу в проектных институтах СССР, остается все меньше.

Все это не могло не отразиться на кадровом составе проектных и проектно-изыскательских институтов, которые в результате испытывают *серьезную нехватку квалифицированных и опытных сотрудников (вплоть до ведущих инженеров и главных инженеров проектов)*. А это, в свою очередь, сильно ухудшает результаты выполнения заказов и усиливает негативное отношение к таким организациям со стороны общества. Круг замкнулся [1, 4, 6, 8].

«Я волком бы выгрыз бюрократизм»

Перейдем к **нормативно-технической составляющей**. Многолетние попытки создания современной системы технического регулирования в РФ после развала СССР были не особенно продуктивными. *Старую систему разрушили*, а новое состояние нормативной базы в отрасли, связанное с вводом новых стандартов и актуализацией уже имеющихся с учетом европейского опыта, вызывает у специалистов множество вопросов в адрес их разработчиков (даже несмотря на то, что в 2015 году впервые за долгое время нормативную базу в строительной отрасли начали совершенствовать за счет госбюджета).

Федеральный закон 184-ФЗ «О техническом регулировании», принятый в 2002 году, как ни странно, не ускорил, а затормозил совершенствование национальной нормативной базы, так как регламентировал добровольность ее применения. При этом тех нескольких сотен стандартов, которые были приняты после выхода этого закона, совершенно недостаточно для такой огромной страны с такими разнообразными природными условиями, как Россия. Кроме того, *новые нормативно-правовые документы зачастую малоинформативны и противоречат друг другу*. А многие экспертные и надзорные органы либо некомпетентны, либо просто бессильны для того, чтобы что-то здесь изменить, поскольку авторы закона 184-ФЗ придали обычным нормативным документам такой высокий правовой статус, что их *актуализация стала слишком длительным и сложным процессом*.

Внесенные в указанный закон изменения еще сильнее запутали ситуацию, так как они разрешили параллельное применение различных систем и режимов технического регулирования на основе *не только отечественных, но и зарубежных стандартов*. А ведь перевод на русский язык и обеспечение наших компаний многими тысячами или даже десятками тысяч таких документов обойдется в очень большие суммы, что для многих окажется недоступным.

Но ведь даже если попытаться закрыть «дыры» в российском нормативно-правовом поле иностранными регламентами и стандартами, это само по себе не позволит преодолеть

технологическое отставание нашей страны. Тут необходимо развивать свою *прикладную науку*. В советские времена ключевая роль в актуализации нормативно-правовых документов отводилась крупным отраслевым научно-исследовательским институтам. И знания, накопленные их специалистами за многие годы исследований, позволяли это делать. А о какой науке может идти речь в наше время, если такие институты разваливаются один за другим? Круг снова замкнулся.

Основная причина здесь в том, что движущей силой реформы, связанной с законом 184-ФЗ, была *бюрократическая номенклатура*, а не квалифицированные специалисты из проектно-изыскательской сферы. Среди организаторов реформы не было профессионалов, которые бы имели достаточные знания для того, чтобы находить комплексные решения [1, 4].

«Рука руку моет»

Правовая составляющая также играет немаловажную роль в тяжелом состоянии рассматриваемой отрасли в постсоветское время. В отношении проектных и проектно-изыскательских институтов *специальная продуманная государственная политика отсутствовала и отсутствует*.

Как бы изыскатели и проектировщики ни хотели качественно выполнять свои работы, при стремлении заказчиков *«потратить минимум, а построить максимум»* зачастую *нарушаются важнейшие требования нормативно-правовых документов*. Но предъявление претензий к застройщикам, сетевым монополиям, санитарно-эпидемиологическим и пожарным службам, Госэкспертизе, надзорным ведомствам, организациям, выдающим разрешительную документацию, и т.д. является юридически неотрегулированным, сложным и даже опасным. Санкции в отношении этих органов отсутствуют, ответственности они не несут, а роли «стрелочников» обычно достаются изыскателям и проектировщикам.

К тому же *процветают коррупция и протекционизм*. Это и незаконная система «откатов», и распределение наиболее выгодных заказов среди «своих» через «закрытые» конкурсы. В этих ситуациях очень сложно кого-то поймать за руку и к чему-то придаться юридически.

Чтобы облегчить работу проектно-изыскательских организаций, необходимо внести ряд уточнений и дополнений в Градостроительный кодекс и федеральные законы 184-ФЗ «О техническом регулировании» (по сост. на 2018 г.) и 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (по сост. на 2018 г.). Также надо кардинально пересмотреть сметные методики в приложении к условиям рыночной экономики, о чем уже говорилось выше.

Что-то надо делать государству и с *чрезмерным дроблением и мельчанием проектно-изыскательских организаций*. Ведь малые фирмы не в состоянии решать весь комплекс вопросов, стоящих перед отраслью. Реализацией солидных государственных строительных контрактов могут заниматься только стабильно развивающиеся крупные строительные и проектно-изыскательские компании (институты), которые имеют многолетний опыт, квалифицированный персонал, современное оборудование и нацелены на долгосрочную работу. Но им остро необходима поддержка государства. В связи с этим надо как минимум внести в федеральные законы положения, предоставляющие преференции таким организациям, что обеспечит социальную защиту их сотрудников и сохранит стабильность их коллективов для эффективной и качественной работы [1, 4, 8].

Есть еще один очень серьезный аспект. По мнению арбитражного управляющего и председателя наблюдательного совета СРО «Развитие» С. Михалкина (2019 г., [3]),

институт банкротства, призванный восстанавливать баланс интересов должников, кредиторов и государства, стал в России *одним из ключевых инструментов криминальной экономики*. С помощью этого сверхдоходного криминального бизнеса решаются следующие три основные задачи: сокрытие ранее совершенных экономических преступлений; уход от долгов и обязательств; недобросовестное завладение собственностью (путем рейдерских захватов через залоговые и многие другие операции). Если в решении первых двух из этих задач может быть заинтересовано руководство организации, объявляющей себя банкротом, то в решении третьей задачи заинтересованы отдельные криминальные структуры.

В любом случае институт банкротства в России в целом не выполняет макроэкономическую миссию, а в ряде случаев лишь улучшает материальное положение криминальных элементов, недобросовестных руководителей и коррумпированных чиновников.

Здоровый институт банкротства должен решать такие основные задачи, как максимальное погашение задолженности перед кредиторами и возможность восстановления платежеспособности должника. Именно так он и работает во многих эффективных экономиках. Однако в современной России эффективность погашения требований кредиторов на порядок ниже, чем на Западе (5% вместо 40–60%). Эффективность восстановительных процедур у нас на таком же низком уровне. Реального восстановления платежеспособности в большинстве случаев не происходило и не происходит. Даже попыток ее восстановить наблюдалось только 1,5% от общего числа процедур банкротства, а реально восстанавливалось еще на 1–2 порядка меньше банкротств (в масштабах экономики это практически ноль). При этом 1/3 российских предприятий находится в зоне банкротного риска, то есть имеет признаки неплатежеспособности. Отметим, что речь выше шла не только о проектно-изыскательских предприятиях, для которых все еще хуже.

Михалкин [3] отмечает, что в сфере банкротства и продажи имущества предприятий-должников работают организованные группы, некоторые из которых имеют признаки преступных сообществ, однако он не слышал, чтобы в отношении них применялась статья 210 Уголовного кодекса РФ. Причем эти группы уже не те, какими они были в 1990-х годах. В них работают высококвалифицированные люди, активно взаимодействующие с коррумпированными чиновниками в госорганах и проворачивающие огромные деньги. Применяя банкротные технологии, они уничтожают доказательства экономических преступлений, списывают долги компаний, ликвидируют их как юридические лица, а их имущество продают с молотка.

Такие обстоятельства сложились из-за *отсутствия должного государственного контроля института банкротства и концентрации его возможностей в частных руках*. А это крайне опасно для экономики – ведь арбитражные управляющие распоряжаются активами на сумму более 1,5 трлн рублей (в целом по стране во всех отраслях). Не улучшило, а скорее *ухудшило ситуацию саморегулирование в институте банкротства*, которое существует с 2002 года.

При этом в настоящее время с грубейшими нарушениями порядка работы над законопроектами принимаются фактически криминальные законодательные инициативы (прежде всего поправки в закон о банкротстве), направленные на снижение полномочий государства и *дальнейшую передачу контроля института банкротства в частные руки*, а также на исключение реабилитационных процедур для предприятий-должников.

Михалкин [3] особо подчеркивает: «...государство выведено и его продолжают выводить из института банкротства. Но там – 1/3 экономики!»

Такое удручающее положение надо срочно менять. Для начала – тщательно анализировать ситуацию и искать пути положительных изменений.

По мнению Михалкина [3], нужно разрабатывать новый закон о банкротстве. Это процесс небыстрый, но на законодательном уровне необходимо срочно принять следующие конкретные меры по декриминализации института банкротства:

- 1) восстановить государственный контроль над процедурой банкротства путем создания профильной государственной структуры по несостоятельности;
- 2) обеспечить должный контроль продажи имущества должников, сделать его прозрачным, исключить манипуляции с результатами электронных торгов (запустив автоматизированный контроль их проведения с независимой базой и историей данных, представленных в поданных участниками заявках, а также автоматизировав формирование протоколов об итогах торгов);
- 3) позволить банкам финансировать мероприятия по восстановлению платежеспособности должников: давать организациям-банкротам кредиты (с резервами ниже 100%, например 61% или менее) именно на мероприятия, направленные на восстановление платежеспособности, если утвержден план внешнего управления предприятием-должником и если в отношении него проводится реабилитационная процедура.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром»

Знаменитую фразу, приведенную в названии этого раздела, приписывают Натану Ротшильду, который был основателем английской ветви Ротшильдов – богатейших людей мира. Он жил в конце XVIII – первой половине XIX века и сумел сделать гигантское состояние, не нарушая законы, а лишь вовремя используя ту информацию, которую для него по всему миру собирали работавшие на него агенты [2].

Но **информационная составляющая** важна и теперь, в том числе и в российской проектно-изыскательской сфере. Выполнять работы своими силами или приглашать иностранные компании? Создавать свою продукцию или покупать ее у зарубежных фирм? Самим разрабатывать что-то новое или использовать зарубежные лицензии? Для того чтобы решать эти и другие вопросы, не только специалисты в проектно-изыскательской области, но и отечественные руководители высшего звена, заказчики и инвесторы должны обладать соответствующей информацией. А такую информацию могут дать только широко образованные, квалифицированные и опытные специалисты и руководители в соответствующих отраслях. Но здесь после распада СССР мы пока больше потеряли, чем приобрели. Надо бы задуматься об этом тем, кто принимает решения «наверху» [4].

«Уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь»?

Хотелось бы добавить и седьмую составляющую, хотя ее можно было бы объединить с предыдущей. Это **упадок отраслевой науки**.

Во времена СССР прикладная наука была направлена на поддержку инженерных изысканий, проектирования и строительства новых объектов. Благодаря научным разработкам многочисленных отраслевых институтов внедрялись новые решения в соответствующих областях. Но сейчас таких НИИ практически нет (и куда смотрит государство?). Теперь деньги на проведение исследований, да и то небольшие, сосредоточены в университетах – как на Западе. Но пока (хотелось бы надеяться, что

только пока) эти университетские исследования в нашей стране практически не решают проблемы изыскателей, проектировщиков и строителей [1].

Тормозом в развитии прикладной науки стала прежде всего невостребованность актуализации знаний в результате выхода закона 184-ФЗ «О техническом регулировании». И это уже отразилось и на грамотной актуализации национальных стандартов, и на подготовке новых научных кадров, и на внедрении инноваций.

Итак, ряд основных причин ослабления, банкротства и даже ликвидации большинства крупных проектных и проектно-изыскательских институтов в нашей стране после распада СССР и особенно в последние 15 лет был рассмотрен в этой части более подробно, чем в предыдущей. В следующей части будет кратко рассказано о том, что происходило в некоторых конкретных институтах.

Источники

1. Гранёв В.В. Современное проектирование: проблемы и перспективы // АВОК. 2016. № 7. URL: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=6499.
2. Кто владеет информацией, тот владеет миром // Spletnik.ru. 10.05.2013. URL: http://www.spletnik.ru/blogs/govoryat_chno/75404_kto-vladeet-informatciey-tot-vladeet-mirom.
3. Михалкин С. Институт банкротства стал ключевым инструментом криминальной экономики // Вольная экономика. 03.02.2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/institut-bankrotstva-stal-kliuchevym-instrumentom-kriminalnoi-ekonomiki-5c5700d6a7068000ad582de0>.
4. Обзор проектной отрасли и причины кризиса // Проектант. 04.08.2016. URL: <https://www.proektant.org/index.php?topic=39105.0>.
5. Осика Л.К. Из истории отечественного инжиниринга // ЭнергоРынок. 2010. № 7/8. URL: <http://www.up-pro.ru/library/modernization/engineering/iz-istirii-inzhiniringa.html>.
6. Пичурина В. ГИП не ВИП // Российская газета (RG.RU). 19.08.2015. <https://rg.ru/2015/08/19/reg-urfo/proekti.html>.
7. Развал проектно-изыскательских институтов. Часть 1. Экскурс в историю отрасли // Geoinfo.ru. 06.04.2020. URL: <https://www.geoinfo.ru/product/vasin-mihail-vasilevich/razval-proektno-izyskatelskih-institutov-chast-1-ehkurs-v-istoriyu-otrasli-42448.shtml>.
8. Сергей Приц: пора думать на несколько шагов вперед// Официальный сайт ОАО «Сибгипротранс». 05.04.2010. URL: <https://www.sibgiprotrans.ru/publication/2010/04/zhurnal-boss-4-2010-goda.html>.